

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 150-ЛЕТИЮ ТЕЙБНЕРОВСКОГО СОБРАНИЯ ТЕКСТОВ, ИЗДАВАЕМОГО В ЛЕЙПЦИГЕ

Среди серий текстов античных авторов «Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana» обычно кратко именуемая «Bibliotheca Teubneriana», без сомнения занимает особое место.

Эта серия не только старейшая в своем роде, но и наиболее полная как по числу изданий (более 1000 томов текстов, неоднократно переиздававшихся), так и по широте охватываемого круга авторов. Наряду с почти полностью изданными писателями греческой и римской древности, в серию входят издания византийских и средневековых авторов, а в отдельных случаях также гуманистов и неолатинистов. Название «Bibliotheca Teubneriana» восходит к ее основателю — лейпцигскому книгоиздателю Бенедикту-Готтхельфу Тейбнеру (1784—1856), чья фирма (ныне предприятие с государственным участием) и поныне продолжает издание серии, научное руководство которой с 1952 г. осуществляет Академия наук ГДР. Эта серия, окончательно сформировавшаяся в 1849 г., выросла из предшествовавших ей изданий, которые, как мы увидим, и позволяют считать 1824 г. годом основания лейпцигской тейбнеровской серии текстов. Прежде чем перейти к подробностям, касающимся основания и дальнейшего развития этого предприятия, остановимся на исторических условиях.

Конец XVIII в. принес и в Германию буржуазные преобразования, приведшие к переходу от феодального строя к капиталистическому. Однако новое внедрялось в жизнь неравномерно. В сельском хозяйстве, где было занято более 75% населения, все еще господствовали устаревшие формы производства, крестьяне в большинстве находились в феодальной зависимости. Мануфактуры вытесняли ручное ремесло, но на его долю еще приходилась большая часть продукции. Индустрия только начинала развиваться. Примечательно, что первая прядильная машина была изготовлена в 1782 г. именно в Саксонии. Здесь же лейпцигская ярмарка выросла в ведущую промышленную ярмарку европейской торговли. Главный центр немецкой книгоиздательской и книготорговой деятельности перемещается из Франкфурта в Лейпциг.

Эти успехи экономики укрепляли самосознание молодой буржуазии, поощряли ее идеологическую эмансипацию, предъявляли новые требования к образованию и школьному делу. Идеологическая эмансипация, стоявшая под знаком Просвещения, вела к расцвету немецкого классицизма и была представлена в Лейпциге такими фигурами как Готшед и Геллерт. Отвечавшие духу времени течения в педагогике были озаглавлены идеями филантропизма и неогуманизма. Филантропизм, воплотившийся в личности Иоганна Бернгарда Базедова из Дессау, отвечал потребностям предпринимательских и торговых кругов; неогуманизм был ориентирован на служивших просвещенному абсолютизму ученых, чиновников и учителей. Век Просвещения не мог уже удовлетворяться старым гуманистическим принципом имитации как основой обучения древним языкам. Преобразование немецких научных школ в духе Просве-

щения и подготовки классицизма связано с именами троих ученых, которые — что не случайно — провели вместе часть жизни в Лейпциге: это Иоганн Матиас Гесснер (1691—1761), который был в 1730—1734 г. ректором лейпцигской Thomasschule, а позже профессором в Геттингене; Иоганн Август Эрнести (1707—1781), который с 1731 г. был преподавателем, а после ухода Гесснера ректором Thomasschule и кроме того профессором Лейпцигского университета; Кристиан Готлоб Хейне (1729—1812), который был студентом в Лейпциге и с 1763 г. преемником Гесснера в Геттингене. Особенно следует подчеркнуть роль Эрнести. Введенный в Саксонии при его участии новый порядок школьного обучения открывал двери школ неогуманизму, вводил преподавание древних языков, предоставляя греческому прочное место рядом с латынью и выдвигая на первый план чтение древних авторов. Рабовладельческая демократия Афин, основанная на равноправии свободных граждан, представала перед немецкой буржуазией как идеал политического строя и просвещения.

В дальнейшем развитии неогуманизма ведущая роль перешла, правда, к прусским университетам. Профессор из Галле Фридрих Август Вольф (1759—1824) дал немецкому классицизму образ античности. Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835) внес дух неогуманизма в новоорганизованный Берлинский университет и прусские гимназии. В Саксонии в это время в Лейпцигском университете и в Gelehrtenschulen — вновь взяло верх старое направление, основанное на формальном обучении языкам: влиятельным его представителем стал Готфрид Германн (1772—1848). Традиционализм и неогуманизм, словесная и предметная филология сходились только в одном: им нужны были тексты как для академических исследований, так и для гимназического обучения. Лейпциг, город книги, располагал всеми условиями для того, чтобы предложить им такие тексты. Книгопечатание укоренилось здесь с давних времен благодаря Маркусу Брандису, который в 1481 г. работал в «Lipsz», Кунцу Кахелофену (умер в 1528 или 1529 г.) и его зятю Мельхиору Лотару и, наконец, гуманисту Мартину Ландсбергу (умер в 1523 г.). В связи с лютеровской реформацией книгопечатание испытало сильный подъем и пережило превратности 30-летней войны. Издатели располагали не только латинским набором (что само собой разумеется), но и греческим.

Рядом с книгопечатанием стояла издательская книжная торговля, которая развивалась во времена Реформации, но окончательно обрела свое значение к концу XVII в. Однако ни одна из издательских фирм не специализировалась на выпуске греческих и латинских классиков, и editiones Bipontinae, которые с 1780 г. готовились учителями гимназии пфальцского Цвейбрюкена, располагавшими собственной типографией, составляли долгое время единственную такого рода серию, имевшую научное значение в немецкоязычных землях. Такие предприятия, как editiones Herbolitanae в Вюрцбурге, editiones Halenses сиротского дома Франкешского института в Халле, editiones Manheimenses в Мангейме, editiones Norimbergicae в Нюрнберге и editiones Monacenses королевского издательства учебников в Мюнхене не имели научного значения и воспроизводили для школьного употребления *textus receptus*. Лишь к началу XIX в. на первый план одновременно выступили два лейпцигских книгоиздателя: Карл Таухниц и Иоганн Август Готлоб Вайгель.

Карл Таухниц в 1797 г. основал небольшую типографию, год спустя собственное издательство и, наконец, в 1800 г. словолитню, где впервые в Германии нашел применение стереотип. Именно этот способ печати Таухниц употребил для своих editiones Lipsienses stereotipae, не вышедших из обращения и поныне. Эти издания древних авторов выпускались без подготовительной работы и основывались на предшествующих изданиях. Это позволило выпускать их на рынок по дешевой цене, но, понятно, вызвало обоснованные нарекания в том, что касалось качества. Подобным же образом обстояло дело с «Bibliotheca classica poetarum et scriptorum prosaicorum Graecorum» (параллельная латинская серия ограничилась двумя выпусками) вайгелевского издательства. Хотя среди сотрудников издательств были ученые (Август Бек, Ж.-Ф. Буассонад, Фр. Якобс), тем не менее не делалось попыток выработать, а тем более провести в жизнь единый издательский принцип для серии. Для инициативы оставался простор, и решительный шаг в этом направлении был сделан Бенедиктом-Готхельфом Тейбнером.

Б.Г. Тейбнер родился в многодетной пасторской семье, прошел суровую школу в книгопечатне в Дрездене и набрался опыта в многолетних странствиях по родной стране и на чужбине, пока в 1806 г. не занял должность фактора в печатне своего шурина Вайнеделя. После смерти Вайнеделя в 1811 г. он стал хозяином типографии. Здесь его специальностью стал набор на древних языках; масштаб его деятельности расширился и для основания издательства ему нужен был лишь толчок со стороны, который и был дан филологом К.-В. Диндорфом.

Карл-Вильгельм Диндорф (1802—1883), вышедший как и его младший брат из школы Готфрида Германна, занимался почти исключительно издательской и лексикографической работой. Уже 18-летним юношей он был привлечен к продолжению издания Аристофана, предпринятого Фил. Инверницци и Кристианом Даниэлем Бекон. Он уже проявил себя и как издатель текстов греческих грамматиков, когда летом 1823 г. стал обсуждать с Тейбнером свою программу издания «Избранных греческих и наиболее читаемых латинских авторов». Неогуманистическая подкладка этого проекта ясна; с преобразованием преподавания древних языков резко возросла потребность в текстах, особенно греческих, которые до той поры изучались по большей части лишь факультативно. Учебные издания будущего книгоиздателя Тейбнера должны были — в отличие от серии Таухница — не ограничиваться повторением бывших в ходу текстов, но пересматривать их, подкрепляя сжатым аппаратом; желательными признавались и пояснительные примечания. После того как нашлись эксперт по книжной торговле в лице К.-Зигм. Мангельсдорфа и корректор в лице профессора Готфрида-Генриха Шефера, работа могла быть начата. Уже в следующем 1824 г. в Лейпциге вышел в свет первый выпуск новой серии, и тем самым первый тейбнеровский текст, отмеченный известным употребляющимся ныне издательским знаком, — «Анабазис» Ксенофонта, изданный Л. Диндорфом.

Предприятие быстро развивалось и заслужило одобрение критики; оно явно отвечало потребностям неогуманистической системы обучения. Так как школа Германна воспитывала хороших знатоков языка, среди саксонских и тюрингских преподавателей гимназий не было недостатка в людях способных и готовых взяться за издания. Так, проспект, от декабря 1825 г. предлагал 25 греческих и 9 латинских выпусков; преобладание греческих текстов демонстрировало потребность нагнать упущенное. Работа над собранием текстов, как и последовавшее в 1826 г. основание «Филолого-педагогических ежегодников» побудили Тейбнера привлечь к штатной работе Иоганна-Кристиана Яна (1797—1847), впоследствии корректора лейпцигской Томасшule, который выполнил для серии издания Горация и Вергилия. В содержании его пояснений отразился уровень гимназического преподавания его времени. Исходили из критики текста, которая неизбежно связывалась с улучшением испорченных мест посредством конъектур; интерпретация, не пренебрегавшая литературной стороной дела и древностями, была подчинена прежде всего критике текста. При этом комментарий часто выходил за пределы школьных потребностей, так же как круг издаваемых текстов и писателей. Так, например, известный лексикограф Франц Пассов выпустил в серии свое издание Дионисия Перигета, посвятив его переводчику Гомера И.-Г. Фосу по случаю 75-летия.

С течением времени, однако, серия переставала удовлетворять потребностям дня. Неогуманистический энтузиазм угас прежде всего оттого, что движение слишком углубилось в царство идей и отдалилось от жгучих общественных и политических проблем, нашедших выражение в революции 1848 г. Привычное восхищение древностью стало наталкиваться на явное пренебрежение и неприязнь. В школьном преподавании вновь царил языковая муштра, в то время как родной язык, современные иностранные языки и прежде всего естественные науки стали требовать законного места в системе образования. Все это не слишком благоприятствовало сбыту изданий, с которыми к тому же конкурировали другие серии. В самой науке также возникала потребность в новой ориентации: старый, сложившийся еще во времена гуманистов тип издания, где пуб-

пликация текста основывалась на одной или нескольких случайно имевшихся в распоряжении издателя рукописях, а в остальном на отражавшемся в коньектурах языковом чутье издателя, уже не мог отвечать принципам филологической критики, которые были подготовлены Имануилом Беккером и развиты Карлом Лахманом, профессором и членами Берлинской академии. Издательская работа начиналась теперь с *resensio*, работы по сравнительному исследованию традиции, как рукописной, так и отразившейся в цитатах и т. п.; *resensio* предполагает (хотя бы потенциально) выявление всех наличных рукописей. За *resensio* следует *emendatio*, приближение к первоначальному виду текста посредством критики, опирающейся на издательское чутье и коньектуры; для обоснованных решений предполагается употребление всех средств интерпретации текста. Ясно, что такие принципы позволяют достичь несравненно более высокой степени раскрытия текста. В то же время подготовка *editio critica* стала гораздо более трудной: она предполагала теперь утомительные розыски в библиотеках, делала при случае необходимыми обширные предварительные исследования и очень часто занимала всю жизнь ученого. В своем издании Нового завета (1842 г.) Лахман сформулировал свои новые принципы и теоретически, в классической же области стало считаться образцом издание Плавта, начатое в 1848 г. Фридрихом Ричлем после примерно 15-летней интенсивной предварительной работы (издание впоследствии перешло к Тейбнеру). Новые требования в корне изменили прежнюю систему обучения в высшей школе, выдвинув на первый план — в ущерб цеховой филологии — разъяснение предмета. Это отразилось и на гимназическом преподавании. По Ричлю, «истинная цель подлинного гуманистического образования достигается путем грамматической интерпретации и проникающего в их собственную жизнь чтения классических авторов».

Шансы, предоставившиеся этой новой ситуацией издательству, Тейбнер уловил коммерческим чутьем. Как прямое продолжение прежнего ряда изданий в 1849 г. возникла под существующим поныне названием «*Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana*». Сравнительно с прежней серией изменились сперва лишь внешние детали: улучшились шрифт, бумага, но круг издателей оставался в основном тем же, во главе с В. Диндорфом, который невзирая на новые веяния, по-прежнему отказывался представить обоснование многочисленным предложенным им текстам. Лишь к началу 60-х годов была преодолена узость круга публикаторов, где до сих пор преобладали саксонские и тюрингские учителя. Издательство привлекло к обсуждениям и сотрудничеству основателя журнала «*Philologus*» Фридриха Вильгельма Шнейдевина (тогда профессора в Геттингене), Карла Хальма — тогдашнего директора Мюнхенской государственной библиотеки, Альфреда Флекейзена, ученого, близкого Ричлю.

Происшедший благодаря этому поворот быстро изменил лицо серии. В качестве издателей теперь выступили на первый план ученые специалисты, круг издаваемых авторов расширился за пределы школьного канона, и возник закономерный вопрос, следует ли рассматривать серию как собрание школьных изданий, нельзя ли найти для них более специфические формы. Однозначного ответа на этот вопрос так и не последовало. Правда, Тейбнер со временем осуществил несколько специальных школьных серий, но издания «Тейбнеровской библиотеки» тоже применялись в преподавании и для этих целей были учреждены специальные *editiones minores*, где текст основного издания давался без сокращений, но опускались предисловие и критический аппарат. Лишь в 40-х годах нашего века, с отмиранием классического образования, такого рода школьные издания потеряли всякую почву.

Чтобы показать диапазон «Тейбнеровской библиотеки» на рассматриваемой стадии ее развития, назовем несколько издателей и изданий. Флекейзен принял на себя издания Плавта и Теренция, Хальм издал, наряду с Тацитом, Эзопа и Флора, Шнейдевин взялся за Пиндара, Марциала и Бабрия. Для издания греческой буколической поэзии был приглашен директор ганноверского лицея Генрих Рудольф Аренс, который был подготовлен к этой трудной задаче своими исследованиями в области диалектов. Профессор Карл Фридрих Германи подготовил издание Платона, новые тиражи которого выходили в свет вплоть до нашего столетия и которое пережило философские и историколитературные труды своего создателя; издателем Сенеки мы видим Фрид

риха Хаазе, который по другим своим работам был связан с издательством Дидо в Париже; тексты Лукреция обработал исследователь греческой философии Якоб Бернайс из Бонна; издание Аристофана, выполненное Теодором Бергком, оставалось в употреблении в течение долгого времени, как и его «*Poetae Iyrici Graeci*»; Август Мейнке, долголетний директор известной Иоахимстальской гимназии в Берлине, работал над Алкифроном, Страбоном, Иоанном Стобеем; Августу Науку, связанному в равной мере с немецкой и русской наукой, было поручено издание Еврипида; Леонард Шенгель, преподававший в Мюнхене и Гейдельберге, издавал греческих ораторов; издатель по призванию Имануил Беккер выпустил в свет Апшиана, Диодора, Гелиодора, Геродiana, Иосифа. Этот отбор показывает, что среди издателей «Тейбнеровской библиотеки» первое место занимали уже не школьные учителя, но университетские ученые. Круг текстов заметно вышел за пределы школьного или классицистического канона и отражал расширение предмета классической филологии, ее превращение в науку о греческой и римской древности.

Путь к этому был проложен в начале века Августом Вольфом и Августом Бекком. Во второй половине века это направление было развито под знаком историзма Теодором Моммзенем и Ульрихом фон Вилламовиц Меллендорфом. Наука должна была охватывать не только блестящие творения духа, но в большой степени античность во всех ее жизненных проявлениях. Для этого нужны были все доступные источники: и произведения литературы, и фрагменты, и даже нелитературные памятники.

Такое развитие предъявляло к «Тейбнеровской библиотеке» далеко идущие требования. В течение десятилетий были изданы самые отдаленные авторы, такие как христианский поэт Драконтий из Карфагена (изд. де Дун, 1878), Марк Диакон, биограф епископа из Газы Порфирия (изд. Боннским филологическим обществом, 1895), Иоанн Филопон, плодовитый философ, автор сочинения «*De aeternitate mundi*», по достоинству оцененный только сегодня (изд. Рабе, 1899), Теон Смирнский с его математическим комментарием к Платону (изд. Е. Хиллер, 1878). Был выпущен ряд важных собраний фрагментов: уже упомянутая антология греческой лирики Т. Бергка, «*Corpusculum poesis eripae Graecae ludibundae*» Брайдта и Ваксмута, *Poetae latini minores* Э. Беренса, памятники докристиановского права Бремера и Хушке, «*Scenicae Romanorum poesis Fragmenta*» Риббека, *Scriptores musici* Яна, *Scriptores physiognomici* Ферстера.

Историзм стремился к полноте в собирании свидетельств о классической древности и в то же время развивал, пополняя круг филолого-исторических наук, множество новых самостоятельных дисциплин, как, например, — чтобы оставаться в нашей области, — византистика, изучение средневековой латыни и гуманизма, неолатинская филология. Этим новым областям знания было уделено место в «Тейбнеровской библиотеке» хотя и с различной степенью углубления. Из области византистики, где шли самые интенсивные работы, назовем издания: Анны Комнины (Рейфершейд), Георгия Акрополита (А. Гейзенберг), диалога Гермиппа «Об астрологии» (Кроль и Фирек), Никифора Патриарха (де Боор), Прокопия Цезарейского (А. Хаури), *Scriptores erotici* (Герхер), «Войны кошек и мышей» Феодора Продрома (Герхер), Иоанна Зонары (Л. Диндорф). Из числа средневековых латинских текстов отметим комедию «Альда» Гийома из Блуа (Ломейер), «*Causae et curae*» Гильдебарда из Бингена (П. Кайзер), поучительных стихов Одо Ключийского (А. Свобода). Из произведений гуманистов назовем «Письма темных людей» (Э. Беккинг), избранные сочинения Марка Антония Мурета (Фрей), похвальное слово Гемстерию Рукена (он же).

Такая широта издательской деятельности позволила выработать единообразную форму издания. За редкими исключениями, оно имело более или менее подробное предисловие, критический аппарат под текстом (раньше по преимуществу перед ним), языковые и предметные указатели. Однако раздавался голос о недостаточности изданий «Тейбнеровской библиотеки» для текстов со сложной традицией, особенно исследовавшихся впервые. Тейбнер не стал искать средний путь и рядом с общей серией стал выпускать в возрастающем числе отдельные издания (что затрудняет общий обзор, поскольку они отличались от текстов «Библиотеки» не принципиально, но лишь объемом и форматом). Отдельные издания открылись уже упомянутым ричлевским Плавтом (был

продолжен Леве, Гетцом и Шёллем), за которыми последовали Вергилий О. Риббека, Горацій О. Келлера и А. Хольдера, «*Rhetores Latini minores*» и Квинтилиан К. Хальма, Аристофан А. фон Вельзена и К. Цахера, Плиний Младший Г. Кейля, Еврипид Р. Принца, римские элегии Беренса, сельскохозяйственные трактаты Катона и Варрона Г. Кейля — все это основополагающие издания. Это показывает твердость позиций классической филологии в системе наук того времени, но в то же время тем легче, что оно никогда не теряло контакта с нею. Поэтому, наряду с упомянутыми отдельными изданиями «Тейбнеровской библиотеки» в издательскую программу были включены школьные издания памятников с немецкими примечаниями под текстом. Первые издания этого года — Корнелий Непот, чтением которого начиналось школьное обучение, и Юлий Цезарь, чьей «Галльской войной» оно продолжалось, появились еще при жизни Б. Г. Тейбнера; они были выполнены двумя гимназическими учителями из Хильбургхаузена (Тюрингия) Зибелисом и Доберенцом. Быстро следовавшие друг за другом выпуски подтверждали удачу замысла, и круг привлекаемых писателей вскоре расширился. При этом часть комментариев приобрела такой вес, что они стали существенны и для научной работы. Назову — без претензий на полноту — избранные речи Демосфена (Реданц, Блас и Фур), выборку из Еврипида (Веклейн), гомеровские поэмы (Амейс, Хентце и Кауэр), Горация (Крюгер и Хоппе), выборку из Лукиана (Якобитц и Бюргер), «Метаморфозы» Овидия (Зибелис, Полле и Штанге), избранные сочинения Платона (Крон, Дейшле, Нестле, Шене, Штрук, Уле и Вольраб), основные комедии Плавта (Брикс, Нимейер, Келер и Конрад). Среди комментаторов преобладали гимназические учителя — это следовало из цели издания, а также из того обстоятельства что немецкие гимназии перед первой мировой войной требовали от профессоров и старших преподавателей не только педагогических, но и научных достижений.

Таким образом, Ф. Ричль мог с полным основанием утверждать, что «*in genere philologico* Тейбнеровское издательство с его поистине орлиным размахом парит над себе подобными», так как на текстологической ниве ни одно книгоиздательское предприятие не могло быть с ним сопоставлено по размаху и дифференцированности работ. При всем разнообразии антиковедческих журналов, неперидических серий, монографий (все это в нашем контексте остается за пределами рассмотрения) лицо издательства оказалось запечатленным в его изданиях текстов, которые в трех описанных выше формах продолжались до второй мировой войны (первая мировая война, разруха, а позднее мировой экономический кризис и приход фашистов к власти создавали тяжелые условия для дальнейшего развития, но полностью парализовано оно еще не было). Руководство издательства оказалось способным улавливать меняющиеся требования науки и открываться на наиболее актуальные. Находки папирусов в конце XIX — начале XX в. тотчас же нашли применение в «Тейбнеровской библиотеке». Речь идет об изданиях «Афинской политики» (Блас и Тальхейм), Вакхилида (Блас и Зюс), «*Hellenica Oxyrhynchia*» (Калинка), Герода (Крузиус), Гиперида (Йенсен), Менавдра (Кёрте); вне серии были опубликованы материалы гисенских, гамбургских, лейпцигских и мюнхенских частных собраний. Далее, особое внимание было уделено изданию схолий, которые важны для выяснения истории рукописного предания, для комментария, для передачи литературного наследия. Были изданы *Scholia Bobiensia* к Цицерону (Хильдебранд), завершено издание комментариев Дидима к Демосфену (Диль и Шубарт), Псевдоакрона к Горацию (Келлер), схолии к Ювеналу (Веснер),

к Лукиану (Рабе), к Пиндару (Драхман), к Фукидиду (Худе). Все эти издания появились в рамках «Тейбнеровской библиотеки», среди издателей впервые появились в большом числе ученые не из немецкоязычных стран (скандинавских).

Таким образом «Библиотека» охватила все существенные отрасли письменного наследия древних и стала в международном плане наиболее полным в своем роде собранием. В ее основной серии, кроме упомянутых отдельных изданий, остались некоторые специальные серии, такие как «Corpus glossariorum Latinorum» Геца, «Corpus medicorum Graecorum», подготовленный академиями Берлина, Копенгагена и Лейпцига, «Corpus medicorum Latinorum», составленный Институтом при Лейпцигском университете, серии Grammatici Graeci и Grammatici Latini, оставшееся незаконченным издание Lexicographi Graeci с изданием Свида (Ада Адлер), издание Сервия (Тило и Хаген), фрагменты стоиков (Г. фон Арним). Стали появляться в возрастающем числе выпуски «Собрания научных комментариев», но оно не было доведено до какой-либо тематической завершенности. Школьные издания разнообразились, отвечая хаотической многоликости высшей школы в буржуазной Германии и отражая упадок обучения древним языкам (все больше места уделялось выборкам и подборкам текстов). Эта последняя группа текстов не имела самостоятельного научного значения и останавливаться на ней мы не будем.

Этому развитию, значительному, несмотря на все слабости и недостатки; развитию которым мы в равной мере обязаны ученым, типографам и книгопродавцам, фашизм и его порождение — вторая мировая война — положили внезапный конец. При гитлеровском режиме, враждебно игнорировавшем всякую науку, не связанную непосредственно с военными целями, со злобой и недоверием встречавшем любой мирный обмен между народами, стало невозможным продолжение предприятия, предназначенного служить гуманистическому наследию. Тем больше заслуги издательства, продолжавшего, насколько это было возможно, добрые традиции, сотрудничавшего с неудобными фашистскому режиму авторами и издателями и с уволенными со службы антифашистами. Полное крушение всего предприятия принес налет англо-американской авиации на Лейпциг 4 декабря 1943 г., разрушивший помещение издательства, его архив и большую часть складов.

Поэтому очень трудным было начало, когда после освобождения в 1945 г. антифашистские силы, стремясь к миру и общественному прогрессу, взялись также и за восстановление Тейбнеровского издательства и его производственной базы. Были разобраны развалины, восстановлены машины, рабочие места, с помощью старых работников подготовлена смена. Уже в 1948 г. вышла в свет первая после войны тейбнеровская книга. В деле издания древних авторов было проведено разумное разграничение: литература, ориентированная на нужды преподавания древних языков в общеобразовательных школах, перешла в ведение вновь образованного издательства «Народ и наука», которое начало свою работу в этой области в тесном контакте с тейбнеровским издательством. Отказались также от отдельных изданий и комментариев, с тем чтобы все силы сосредоточить на «Тейбнеровской библиотеке». Научное руководство делом вскорости взяла в свои руки Академия наук ГДР в Берлине (особенно следует отметить поддержку одного из ее руководителей в те годы — латиниста Й. Штроукса). В 1955 г. для исполнения этой задачи Академией была создана специальная рабочая коллегия, чтобы в кратчайший срок восстановить «Тейбнеровскую библиотеку», в прежнем и, поскольку была нужда, даже в расширенном объеме, были приняты две формы издания. С одной стороны, готовились издания, совершенно новые: среди них были, в основном, издания текстов уже известных, но и отдельные editiones principes, в особенности авторов послеклассического времени; с другой стороны, выпускались так называемые editiones correctiores, т. е. переиздания публиковавшихся ранее в серии текстов с Addenda et corrigenda, которые знакомили читателя с достижениями науки за время после появления предыдущего издания. Отсылки к Addenda давались звездочками в соответствующих местах текста. Разумеется, в таких editiones correctiores могли появляться лишь тексты, прежние издание которых в основном удовлетворяло современным требованиям. От прочих перепечаток, которые в прежние времена издательство

практиковало десятилетиями, решено было отказаться (даже для основных авторов) за немногочисленными обоснованными исключениями. Кроме того общее руководило предприятием со стороны авторитетной научной коллегии позволило существенным образом унифицировать форму изданий. Предисловие, сжато излагающее предмет (сложные вопросы истории предания при нужде могут быть разъяснены в самостоятельной монографии), дает необходимые сведения о *testes* и *testimonia*, на которых основывается издаваемый текст, *apparatus criticus*, освобожденный от всего лишнего (особенно от орфографического балласта) дает представление о рукописной и косвенной традиции, а также о чтениях прежних издателей. В содержании вопроса вводит библиография научной литературы, которая, как правило, следует за предисловием, так же как подробнейшие указатели.

Жизненным вопросом для «Тейбнеровской библиотеки» было и остается привлечение ученых к издательской работе, тем более что в последние десятилетия во всем мире, несмотря на рост исследовательской работы в области антиковедения, расширение издательской деятельности и спроса на книги, сокращается число ученых, способных и готовых к собственно филологической, издательской деятельности. Сегодня такое предприятие как «Тейбнеровская библиотека» требует международного сотрудничества ученых, и действительно в ней принимают участие филологи более чем из 20 стран. Благодаря такому широкому сотрудничеству за четверть века существования ГДР смогли появиться почти 200 томов. В их числе сохранные нам папирусы «*Acta Alexandrinorum de mortibus Alexandriae nobilium*» (Г. Музурилло), сочинение Аммония «*De adfinium vocabulorum differentia*» (К. Никау), «*Ars rhetorica*» Анаксимена (М. Фурман), Арстид Квинтилиан (Р. О. Виннингтон-Инграм), Артемидор Далдианский (Р. А. Пак), Диоген из Эноанд (К. В. Хилтон), «*De auspicio*» Дионисия (А. Гарсия), *Hellenica Oxyrhynchia* (В. Бартолетти), астролог Гефестий Фиванский (Д. Пингр), Гермагор Темносский (Д. Маттес), «*Babyloniaca*» Ямвлиха (Е. Хабрих), «*Alexandra*» Ликофрона (Л. Машалино), речь Ликурга против Леократа (Н. К. Кономис), комментарий Олимниодора к «Горгию» (Л. Г. Вестеринк), Павсаний (М. Роча-Перейра), неоплатоник Порфирий Тирский (Э. Ламберт), врач Руф Эфесский (Х. Гертнер), Фемистий (Г. Дауни и А. Ф. Норман), Феогнид (Д. Янг), сочинение Ксенофонта о верховой езде (К. Виддра), «Эфесская повесть» Ксенофонта Эфесского (А. Паланиколау). Настоятельнейшей потребности ответили издания Цицерона («*De oratore*» — К. Куманецкий, «*Brutus*» — Э. Мальковати и др.), Тацита (Э. Кестерман), Еврипида (Дайц, Альт, Биль, Гарсия), Плутарха (К. Циглер). Заслуживают упоминания и более мелкие издания: Апиций (М. Э. Мильхам), Атей Канитон и Невий (В. Стржелецкий), Диктис Критский (В. Эйзенхут), впервые ставшие доступными *Epigrammata Vobienisia* (В. Шпейер), сочинение Фронтиня «*De aquaeductu urbis Romae*» (Ц. Кундеревич), «*De grammaticis et rhetoribus*» Светония (Г. Бруньоли), фрагменты Турпилия (Л. Рыхлевска), Валерий Флакк (Э. Куртны), «*Excerpta Valesiana*» (Ж. Моро и В. Велков), Вибий Секвестр (Р. Джелсомино). Уделяется внимание и неагичным писателям. Назову из византийских памятников астрономическо-астрологические сочинения Гелиодора (комментарий к Павлу Александрийскому, изд. Э. Вэр), Альбумазар (средневековый греческий перевод с арабского, изд. Д. Пингри), малые сочинения Арефы из рукописи Московского исторического музея (Л. Г. Вестеринк), письма Цеца (Ш. А. М. Леоне); из средневековой латинской литературы упомяну стихотворения Хильдеберта Лаварденского (А. Б. Скотт) и «*Quinque claves sapientiae*» (А. Видманова-Шмидтова); из произведений гуманистов — венские сочинения Конрада Цельтиса (К. Адель) и письма Богуслава Хассенштейна фон Лобковиц (Й. Мартишек и Д. Мартинкова).

Такой юбилей, как нынешний, не только обращает наш взгляд в прошлое, но прежде всего заставляет нас смотреть в будущее. Необходимость текстов для изучения древности не нуждается в обоснованиях. Поэтому необходимо будет и далее дополнить «Тейбнеровскую библиотеку», и, очевидно, обратить усиленное внимание на нелитературные тексты: надписи, остраки, папирусы. Но для этих более широких задач следует сконцентрировать коллектив сотрудников, т. е. шире привлекать к совместной работе филологов и историков из социалистических стран. Для литературных

текстов римско-греческой античности необходимо в принципе стремиться к полноте, если даже она *hic et nunc* недостижима; но для памятников позднейших эпох такая задача с самого начала нереальна, и здесь приходится говорить прежде всего о продуманном выборе, соответственно потребностям и возможностям. Но будут ли удовлетворять тома «Тейбнеровской библиотеки» в их нынешнем виде требованиям завтрашнего дня? Будет ли достаточно давать только оригинальные тексты или следует по примеру зарубежных серий снабжать их параллельными переводами, учитывая, что сегодня историки и археологи не могут обойтись без такой интерпретаторской помощи и даже привыкшие к работе с текстом филологи ею отнюдь не пренебрегают? Юбилей предоставляет повод задуматься над подобными проблемами, чтобы облегчить «Тейбнеровской библиотеке» путь к следующему этапу ее развития.

Иоганнес Ирмшер